

дельман: «В этом выступлении немало антисамодержавного смысла, порой столь острого, смелого, что средства перехлестывали цель. Обличения деспотизма, тирании, фаворитизма выглядели куда более внушительно, чем аристократические формулы на знамени: ирония, протест, презрение, угрозы, даже ненависть к противнику столь плотны и основательны, что порой нелегко отличить их от обличений, имеющих иное происхождение».¹⁶

Подобная оценка — шаг к признанию «Рассуждения» не только как антиекатерининского памфлета. Это произведение — меткое и страстное разоблачение деспотизма в том смысле, как понимал деспотизм Монтескье. Заметим, что точно так охарактеризовал суть инвективы Фонвизина П. И. Панин, заметивший явно не по поводу своего «Прибавления», а по поводу «Рассуждения», что оно относится к роду сочинений «противу деспотизма» вообще.

К. В. Пигарев обоснованно усматривает в «Прибавлениях» П. И. Панина приверженность к принципу наследственной монархии. Критика Д. И. Фонвизиным в «Рассуждении» и характера антиекатерининского самовластия, и деспотизма вообще заставляет прийти к выводу о том, что и он, отвергая установившийся в России по существу принцип личной монархии, склонен видеть определенные преимущества в принципе монархии наследственной. Однако достижения просветительской мысли, которыми вполне владеет Д. И. Фонвизин, заставляют его сделать существенную оговорку: «Кто не знает, что все человеческия общества основаны на взаимных добровольных обязательствах, кои разрушаются так скоро, как их наблюдать перестают. Обязательства между Государем и подданными суть равным образом добровольныя; ибо не было еще на свете нации, которая насильно принудила бы кого стать ей государем; и есть ли она без государя существовать может, а без нее Государь не может, то очевидно, что первобытная власть была в ее руках и что при установлении Государя не о том дело было, чем он нацию пожалует, а какой властью она Его облакает. Возможно ль же, чтоб нация добровольно постановила сама закон, разрешающий государя делать неправосудие безотчетно» (Прилож. Шум. С. 7).

Думается, не только в теоретическом плане Фонвизин пришел к убеждению, что «нация» «без государя существовать может». На наш взгляд, эти строки писались в то время, когда «нация» практически обходилась без монарха.

Характерно, что Фонвизин не употребляет в данном случае общеславянского и исконно русского слова «народ», предпочитая ему восходящее к латинскому слово нация (*natio*). Дело в том, что, по сведениям «Словаря вхождений»,¹⁷ слово «нация» вошло в русскую речь двояким путем — оно было заимствовано и прямо

¹⁶ Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия: Секретная политическая история России XVIII—XIX вв. и вольная печать. М., 1973. С. 123.

¹⁷ См.: Виржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: Языковые контакты и заимствования. Л., 1972. С. 132.